

Кривое зеркало любви (Софья Перовская)

Автор:

Елена Арсеньева

Кривое зеркало любви (Софья Перовская)

Елена Арсеньева

Дамы плаща и кинжала

«– Да что они там? – сердито спросил Александр Николаевич. – Все собрались, давно ждут!

– Их высочества беседуют с ее величеством, – пожал плечами Адлерберг, министр двора и старинный друг императора...»

Елена Арсеньева

Кривое зеркало любви

Софья Перовская

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплуа главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

– Да что они там? – сердито спросил Александр Николаевич. – Все собрались, давно ждут!

– Их высочества беседуют с ее величеством, – пожал плечами Адлерберг, министр двора и старинный друг императора.

Он посмотрел на эти сошедшиеся к переносице брови и неприметно усмехнулся. Государь порою бывает нетерпелив, как влюбленный мальчишка. Уж, казалось бы, теперь, когда он поселил свою ненаглядную Екатерину Долгорукую, ныне получившую титул княгини Юрьевской, в Зимнем дворце (между прочим, над покоями императрицы, что, мягко говоря, бестактно, однако бестактность сия обсуждается только шепотком и только в кулуарах, ибо, что дозволено Юпитеру... а Юпитеру дозволено все!), когда может увидеть ее в любую минуту, он должен бы с бо́льшим терпением переносить такие обязательные ситуации, как парадный ужин. Однако нынче государь что-то избыточно нервничает. За стол собирались садиться ровно в шесть, однако задержались: на десять минут

опоздал поезд, на котором приехали в Петербург светлейший князь Александр Баттенберг с сыном Александром – брат и племянник императрицы Марии Александровны, прибывшие в честь двадцатипятилетия правления Александра II. Поскольку ее величество нездорова, почти не покидает своих покоев, высокие гости зашли навестить ее перед застольем. Задерживаются всего на каких-то двадцать минут, а государь уже...

Александр Николаевич порывисто вскочил и сделал шаг к двери:

– Право, это не...

Адлербергу так и не привелось узнать, какое слово собирался проговорить император: «несносно», «невыносимо», «нестерпимо», «невозможно», «невежливо», «несусветно», «несуразно», «немыслимо» и т.д. и т.п. Громадная стена, отделявшая зал, соседний со спальней Марии Александровны, от столовой, вдруг пошатнулась и стала валиться. Из окон со звоном посыпались на пол стекла, люстра мгновенно потухла, и в тот же миг раздался оглушительный грохот. Из пролома метнулось яркое, ослепляющее пламя, и столовая исчезла. Послышались гром падающих камней, балок, лязг железа, звон стекла, крики и стоны. Потом на мгновение все смолкло, но через минуту снизу, из образовавшейся бездны, уходившей в хаос, из наваленных деревянных балок и камней донеслись крики и стоны.

– Государь, вы не ранены?! – хором воскликнули Адлерберг и адъютант Разгильдяев, опрометью влетевший из прихожей комнаты.

Из соседней залы, также смежной со столовой, вбежали цесаревич, Минни [1 - Уменьшительное имя жены наследника, будущего Александра III, Марии Федоровны.], великие князья:

– Па, вы живы? Что это было, па?! Столовая, о боже! Столовая взорвалась!

– Куда забг'ались господа кг'амольники... – сказал государь с презрительной улыбкой, и только по этой картавости, проявлявшейся у него лишь в минуты крайнего волнения, можно было догадаться, в каком он состоянии. – А?! Г'азгильдяев, поди узнай, что в каг'ауле. Там что-то ужасное.

Из покоев Марии Александровны выбежали иноземные гости – оба белее мела. Впрочем, было видно, что они не ранены и даже не испачканы обсыпавшейся штукатуркой: видимо, взрыв не привел к разрушениям в комнатах императрицы.

Александр Николаевич поглядел на них, и внезапно лицо его исказилось от внезапной страшной мысли. Спокойствия как не бывало! Он метнулся к двери – но отнюдь не к той, которая вела в покои императрицы, а на лестницу. Взлетел по двум пролетам – и замер, увидев бегущую навстречу Екатерину Долгорукую. Обеими руками она прижимала к себе с двух сторон детей, которые беспорядочно махали перед собой, силясь развеять поднимавшийся снизу едкий дымок, и в два голоса ревели. Впрочем, завидев появившегося перед ними отца, они моментально перестали плакать, кинулись к нему, прижались и затихли. Екатерина припала к его груди и тоже замерла, почти не дыша от ужаса...

– Целы? – хрипло спросил император. – Не ранены? – Он уже овладел собой и больше не картавил.

Княгиня покачала головой, царапая щеку о золотое шитье парадного мундира, но не в силах отстраниться от Александра Николаевича.

– Хорошо, – выдохнул тот, зажмурясь изо всех сил, чтобы сдержать слезы невыразимого облегчения. – Хорошо. Господи, благодарю!... Теперь бояться, думаю, нечего. Уйдите в боковые комнаты. Пришлю к вам Адлерберга. Я... мне надо посмотреть, что там внизу.

Тем временем на платформе главной гауптвахты раненые лейб-гвардейцы Финляндского полка, по артикулу несшего охрану Зимнего дворца, выходили и выползали из разрушенного помещения и силились собраться в строй.

– Что государь? – завидев подбежавшего Разгильдяева, встревоженно крикнул караульный начальник штабс-капитан фон Вольский.

– Господь хранит царскую семью. Никто не пострадал. Войди они в столовую минутой раньше – никого не осталось бы в живых. Государь приказал узнать, что у вас?

– Сейчас окончили проверку. Убито одиннадцать, ранено пятьдесят три. Как видите, больше половины караула нет. Караульный унтер-офицер, фельдфебель

Дмитриев, так растерзан взрывом, что мы узнали его только по фельдфебельским нашивкам. Знаменщик тяжело ранен.

В ворота, в сумрак слабо освещенного дворцового двора, входила рота лейб-гвардии Преображенского полка, вызванная по тревоге на смену «финляндцам».

К фон Вольскому подошел начальник Преображенского караула:

– Как нам быть, господин штабс-капитан? Ваши не сдают постов. Говорят, без разводящего или караульного унтер-офицера сдать не могут.

– Они совершенно правы. Но оба разводящих убиты. Караульный унтер-офицер тоже... Придется мне самому сменить посты.

Фон Вольский вынул саблю из ножен и отправился снимать часовых кругом дворца. Однако знаменщик, старший унтер-офицер Теличкин, тяжело раненный, весь в крови, держал знамя и отказался передать его преображенскому унтер-офицеру.

– Почему не сдаешь знамени? – мягко спросил фон Вольский. – Тебе же трудно. Преображенец донесет знамя.

– Ваше высокоблагородие, – отвечал Теличкин, еле держась на ногах, – негоже, чтобы знамя наше нес знаменщик чужого полка.

– Да ты сам-то донесешь ли? – спросил штабс-капитан.

– Должен донести, – твердо ответил Теличкин, – и донесу.

Когда, ослабевая, теряя сознание, Теличкин ставил знамя во дворце на место, к нему вышел Александр Николаевич. Он долго смотрел на знаменщика и наконец проговорил сдавленно, уже не скрывая слез:

– Неимоверные молодцы!...

– Откуда мне было знать, что эти проклятушие немцы запоздают? – огрызнулся статный светловолосый молодой человек, отступая спиной к окну и затравленно озираясь, словно ожидая нападения. – Машинка сработала вовремя, я ее на шесть двадцать поставил, она и грянула!

– Грянула... – передразнила маленькая женщина с гладко зачесанными темно-русыми волосами. – Грянула, да мимо! И это уже второй раз! Второй раз, Халтурин, когда ты...

Она осеклась, задыхаясь от ярости.

В комнате было несколько мужчин, которые с откровенной неприязнью смотрели на человека по имени Степан Халтурин, а он не сводил глаз с этой женщины. Она была очень некрасива. Большой лоб с зачесанными назад коротко стриженными волосами казался непомерно велик при мелких чертах лица. Маленький короткий подбородок – «заячий», или «подуздоватый», как выразился бы собачник, – делал безобразными ее большие бледные губы. Глаза были близко поставлены под редкими бровями и смотрели упрямо, напряженно и злобно. Ей было всего лишь двадцать восемь, однако казалось, что лет на двадцать больше. Она была одета в черное поношенное платье с крошечным белым воротничком, тесно смыкавшимся вокруг шеи. На шее надулись жилы, а лицо пошло пятнами. Только это и выдавало обуревавший ее гнев – голос оставался тихим, ровным. Халтурину голос женщины казался точь-в-точь похожим на шипение разъяренной змеи.

Он, большой, здоровый, молодой человек, откровенно боялся ее. Впрочем, эта женщина по имени Софья Перовская обладала редкостным даром внушать страх мужчинам, с которыми имела дело, – подготавливала ли вместе с ними теракты (она возглавляла террористическое ядро антиправительственной партии «Народная воля»), вела ли крамольную пропаганду, ложилась ли с ними в постель. Она внушала страх, она подавляла волю, она делала их своими рабами, заложниками той ненависти, которую она питала к человечеству вообще и к каждому человеку в отдельности.

Почти год тому назад, в апреле 1879-го, Халтурин слышал, как Софья вот таким же голосом сказала Александру Соловьеву перед тем, как послать его к Зимнему дворцу с заряженным револьвером, спрятанным под учительский вицмундир:

– Надеюсь, вы понимаете, что живым вам лучше не возвращаться. А станете болтать – везде достанем.

Перовская была убеждена, что Соловьев живым не вернется во всяком случае: убьет императора – его пристрелит охрана, нет – покончит с собой. Понятно: ее вдохновляло беспрекословное послушание студента Поликарпова, которому за два года до того было поручено ликвидировать полицейского агента Сембрандского. Поликарпов его выследил, приблизился и выстрелил из револьвера. Пуля, ударившись агенту в грудь, скользнула рикошетом в сторону. Удивленный студент выстрелил еще и еще. Агент в ответ только улыбнулся. Расстреляв по неуязвимому противнику весь барабан, последнюю пулю Поликарпов пустил себе в висок, зная, что после такого позора к своим лучше не возвращаться: все равно убьют! Откуда ему было знать, что жандармы под одеждой частенько носят стальной панцирь? А выстрелить противнику в голову он просто не догадался. Вот растяпа!

Соловьев оказался таким же растяпой, может, еще похлеще... Точно был выверен маршрут утренних прогулок императора вокруг Зимнего. Как правило, ненавистный народникам сатрап оставался один – охрана держалась на почтительном отдалении. Оставалось только подойти к нему как можно ближе и расстрелять в упор из револьвера. Соловьев успел выпустить четыре пули, прежде чем набежала охрана, – и все пули прошли мимо! Жандарм плашмя ударил его шашкой по голове. Соловьев упал, но сознания не потерял и попытался перерезать себе горло обломком бритвы, спрятанной в рукаве, но и этого не успел. Правда, судя по тому, что арестов среди его товарищей не последовало, на допросах он молчал. Окольными путями удалось вывести, что Соловьев угрюмо сказал судебному следователю, уверявшему, что чистосердечное признание облегчит его участь:

– Не старайтесь, вы ничего от меня не узнаете, я уже давно решил пожертвовать своей жизнью. К тому же, если бы я сознался, меня бы убили мои соучастники... Да, даже в той тюрьме, где я теперь нахожусь!

И больше от него не добились ни слова.

Поликарпов и Соловьев были растяпами, конечно. Но он, Халтурин, – он был дважды растяпой! Ведь несколько дней назад он точно так же уже стоял у окна, выслушивая ругань Перовской. Но тогда Халтурин и сам понимал, что сплеховал, не сумел воспользоваться случаем разделаться с деспотом. А дело было как? Он

столярничал в винном погребе Зимнего дворца (с великим трудом пристроился туда на работу, когда народовольцы решили устроить взрыв в винном погребе, расположенном как раз под парадной столовой), облицовывал стены, заодно пробивая в них шурфы для взрывчатки, как вдруг его позвали в кабинет царя. Сорвалась картина со стены – велено было взять молоток и гвоздь покрепче. Они были вдвоем в кабинете – Халтурин и император. Сатрап сидел за письменным столом, перебирал какие-то бумаги, а Халтурин возился у стены: картину вешал. Минут десять провозился, и за это время как минимум десять раз мог бы тюкнуть деспота молотком по затылку. Почему не сделал этого?!

Перовская, змеища в образе женском, его только что не кусала от злости, когда узнала, что упущен такой случай. А Халтурин и сам не знал, что ответить. Может быть, ему жалко стало своих трудов, затраченных на подготовку взрыва? Сколько динамита натаскал из города! Проносил его на себе, прятал под одеждой, потом скрывал в своей постели и спал, можно сказать, на динамите, а от винных испарений у него адски болела голова. Да ладно, голова, чай, не отвалится – главное, в каморку рядом с погребом, где он жил, никто не совался. Халтурин завел дружбу с одним из жандармов, бывших при охране Зимнего, даже присватался к его дочке, ну вот по его протекции и заполучил подвальную комнатенку. Для дела – чего лучше!

А тюкни он в тот раз императора по голове, все усилия пошли бы прахом. И вышло бы, что он попусту ухаживал за рябой, глупой, толстой жандармской дочкой, а это было, наверное, самым для него тяжелым испытанием. Ну не нравились Халтурину толстухи, ему по вкусу были нежные, тоненькие, беленькие барышни, желательно из благородных... Может, оттого он в свое время так разохотился на эту Перовскую, которая была из самого что ни есть благородного семейства, якобы даже губернаторская дочка. Но это, конечно, вранье, считал Халтурин.

Ежели совсем как на духу, ему жаль было не только своих усилий. Ну, тюкнул бы он деспота, тут же набежала бы охрана, и прикололи бы его, убийцу государя императора, штыками. Или пристрелили бы, а то и забили бы пудовыми кулачищами (богатыри в Финляндский лейб-гвардейский полк подбирались отменные!). А смерть – она ведь только на миру красна, одному-то страшновато помирать!

В прошлый раз он отоврался от разозленной Перовской очень лихо: смерть-де одного императора – это малость, ведь наследник живой останется, отрастет у

правлящей гидры новая голова. Общась с людьми образованными, вроде той же Перовской, или ее теперешнего любовника Андрея Желябова, или угрюмого Кибальчича и забияки Гриневицкого, Халтурин и сам пообтесался, набрался всяких таких словечек, которые мог очень к месту ввернуть в разговор: вот хотя бы про ту же самую гидру и про многострадальный и многотерпеливый русский народ, и про эту, как ее... ага, про необходимую жертвенность лучших представителей России! А вот при взрыве, говорил он тогда, все царское семейство разорвет на кусочки. Так что, мол, тут не в трусости дело, а в расчете.

Ему поверили. Но сегодня, сегодня, когда весь расчет прахом пошел, когда ни с единой головы этой чертовой гидры не упало и волоса, только лейб-гвардейцев на куски поразорвало...

Халтурин пожал широкими плечами. Ну, коли жертвенность, так ведь куда от нее денешься? Опять же, финляндцы были верными столпами самодержавного режима, так что туда им и дорога, сердешным!

Он малость забылся в мыслях – и даже вздрогнул, увидев прямо перед собой напряженное личико Перовской. Когда это она успела чуть ли не вплотную к нему подобраться?! Аж на цыпочки привстала, чтобы казаться выше!

«Чего она сейчас будет требовать от меня? – напряженно думал Халтурин. – Стреляться прямо при ней? Принять яд? Повеситься? Вены перерезать? С нее станется!»

Да, эта женщина не знала жалости ни к кому, в том числе и к себе. В прошлом году народовольцы попытались взорвать царский поезд, следовавший из Крыма в столицу. Возле города Александровска и в пригороде Москвы сделали подкопы к железнодорожной насыпи, куда заложили мины.

Работа под Москвой была адская: задыхаясь от удушья, в ледяной воде, которая подтекала со всех сторон, террористы несколько месяцев рыли и рыли сутки напролет.

– Невозможно, товарищи, – бормотали, задыхаясь, мужчины, выползая из подкопа, заморенные, с зеленоватыми лицами. – Совсем как в могиле. Свеча гаснет. Какие-то миазмы идут из земли. Воздух отравлен, невозможно дышать...

Недоставало сил проработать и по пять минут. На восемнадцатой сажени подкопа дело застопорилось на сутки. Между тем времени оставалось в обрез.

– Эх, вы, мужчины! – с презрением сказала тогда Перовская. – Прозываетесь сильным полом!

Не смущаясь, она расстегнула пуговицы, скинула блузку, юбки, панталоны и, оставшись в одной рубашке, чулках и башмаках, взяла свечу и, встав на четвереньки, быстро поползла вниз по галерее, волоча за собой железный лист с привязанной к нему веревкой. Неудачливые землекопы Гартман, Михайлов и Исаев подошли к отверстию и угрюмо смотрели вслед. Холодом, мраком, смрадом и тишиной могилы тянуло из отверстия подкопа.

Прошло какое-то время. Веревка задвигалась, что значило: пора вытягивать нагруженный железный лист.

Лист за листом вытягивались с землей, пустые втягивались обратно в подкоп. Мужчины только переглядывались, осознавая: Перовская работает третий час без отдыха!

Наконец из подкопа показались облепленные глиной черные чулки, белые, вымазанные землей ноги, и вот Перовская выползла из подкопа – в насквозь промокшей рубашке, с растрепанными, покрытыми глиной волосами. Ее лицо было красно, глаза мутны. Казалось, сейчас ее хватит удар.

– Мы на девятнадцатой сажени, – восторженно сказала она, задыхаясь. – Завтра кончим! Вот товарищи, как надо работать! [2 - Между прочим, Перовская родилась 13 сентября, то есть была по знаку Зодиака Дева. Это многое объясняет в ее натуре.]

Халтурин был убежден, что там, в подкопе, дьявол помогал Софье Перовской. Между прочим, мужчины поручили именно ей воспламенить выстрелом из револьвера бутылку с нитроглицерином, чтобы взорвать всё и всех, в случае если бы полиция явилась их арестовывать. У любого из них, хотя они были прирожденными убийцами, могла бы дрогнуть рука при мысли, что он сейчас умрет. У нее не дрогнет, это все знали!

Халтурин невольно взялся руками за горло, как бы опасаясь, что она, эта маленькая женщина, сейчас вцепится в него и перервет зубами. И никто не заступится, ни Михайлов, ни Кибальчич! Молчит даже Желябов, глава организации, теперешний любовник этой фурии, этой ведьмы. Бр-р, как он только может... Впрочем, раньше и Халтурин очень даже мог. Ведь именно после тех трех часов, проведенных в подкопе, она так изменилась, так подурнела, а раньше была ничего, вполне приглядная.

– Халтурин, вы уничтожили плоды нашего многомесячного труда, – хрипло проговорила Перовская. – Мы вправе требовать от вас, чтобы вы здесь же, сейчас, при нас...

– Отстаньте от Халтурина, Софья Львовна, – послышался вдруг надменный молодой голос.

Перовская резко обернулась и уставилась на стройного молодого человека среднего роста в поношенной студенческой тужурке. У него были темно-русые волосы, едва пробившаяся, совсем еще юношеская борода и очень красивые глаза редкостного янтарного оттенка.

– Что вы сказали, Котик? – проговорила Перовская совсем другим, мягким голосом, принадлежащим уже не фурии, а женщине.

Как ни был Халтурин напряжен, он едва сдержал нервическую усмешку. Настоящая фамилия сего надменного двадцатичетырехлетнего красавчика была Гриневицкий. Игнатий Гриневицкий имел две подпольные клички – Ельников и Котик. Последнее – старое, еще гимназическое, со времен учебы в Белостоке прозвище дано ему было, наверное, потому, что в минуты гнева его глаза становились по-кошачьи желтыми. Однако если мужчины звали его чаще Ельниковым, то Перовская – только Котиком, причем в голосе ее моментально начинали играть мягкие нотки... нежные, можно было бы сказать, когда бы эта зловещая особа была способна на нежность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Уменьшительное имя жены наследника, будущего Александра III, Марии Федоровны.

2

Между прочим, Перовская родилась 13 сентября, то есть была по знаку Зодиака Дева. Это многое объясняет в ее натуре.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/krivoe-zerkalo-lyubvi-sof-ya-perovskaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)